

Столетие революции: проигравшие и выигравшие

Столетний юбилей «Великого Октября» актуализирует вопрос о смысле революции в судьбе России и возможном будущем страны. Однако эти вопросы были вытеснены на периферию, вероятно по причине неготовности государственной идеологической системы к работе над ними. Нынешний аппарат принципиально технократичен, это приводит к повышению эффективности на отдельных отрезках работы, но не создает красивых моментов в игре смыслов. Пространство идей выглядит брошенным. «Платформа» и Avelamedia при поддержке РАСО постарались восполнить лакуны, вызванные игнорированием столетия революции.

Выигравшие:

Администрация президента, идеологический блок	+ + + + +	Уход от общественной дискуссии с потенциалом усиления левой идеологии и требованием определенности по ряду сложных вопросов
Конкурирующие с левыми силами политические движения	+ + + + +	Юбилей не был использован оппонентами для усиления общественных позиций

<p>Владимир Ленин и другие деятели большевистского движения</p>	<p>+ + + + +</p>	<p>Происходит постепенная нейтрализация образа с перспективой неожиданного всплеска моды на революцию среди молодежи. Смещение негативного спектра в сторону Сталина. Ленин рассматривается сегодня только в контексте перезахоронения</p>
---	------------------	--

Проигравшие :

<p>Левый фланг политических движений</p>	<p>-----</p>	<p>Провал шанса использовать юбилей для активной политической волны. Отслоение от исторической основы -10</p>
<p>Администрация президента, идеологический блок</p>	<p>-----</p>	<p>Возможность использовать дискуссию для усиления контроля в идеологическом пространстве и создания ряда красивых игровых моментов</p>
<p>Министерство культуры, Федеральное агентство по туризму, МИД</p>	<p>-----</p>	<p>Возможность использовать юбилей для серии мероприятий за рубежом, нацеленных на усложнение и развитие национального бренда РФ. Расширение туристического потока из КНР и других стран. Активизация арт-среды</p>

* * *

Индекс Путина

Avelamedia совместно с «Платформой» проводит еженедельную оценку спикеров по основным информационным поводам. Индекс

определяется из расчета соотношения упоминаемости в СМИ ключевых спикеров недели к упоминаемости президента России Владимира Путина.

Октябрьская революция	П-Индекс = 10,24%
Ленин (Ульянов)	П-Индекс = 7,19%
Николай II	П-Индекс = 5,89%
Троцкий (Бронштейн)	П-Индекс = 4,17%
Матильда Кшесинская	П-Индекс = 3,65%

* * *

Почему не отмечаем

От празднования столетия революции российская власть фактически самоустранилась. Представители государства скупко комментируют тему, и, как правило, с консервативных позиций. Причина такого поведения в том, что революция, попав в официальный дискурс, распадается в нем на два компонента: славное советское прошлое, которое стало ее итогом; политическое потрясение, которым она была по форме. Публичное признание того, что результатом политической нестабильности может быть что-то хорошее, противоречит идеологическим установкам власти. Поэтому у нее возникает стремление «задушить» празднование революции.

– Государство очень специально старалось не давать оценки революции, и это признак не его незрелости, а эклектичности его идеологии. В ней революция – это момент основания Советского государства, с которым связано все хорошее: гимн, победа над фашизмом, полет в космос, великие достижения, ядерный щит и все на свете. Сказать, что революция здесь ни при чем, было бы нечестно. С другой стороны, это восстание, то, чего нынешняя власть уже на уровне терминологии не то чтобы боится, но крайне не одобряет. Объяснить людям, чем революция 1917 года отличалась от тех, которые происходят сейчас и которые власть крайне осуждает, было бы довольно сложно. Поэтому приходится отмечать это событие, ничего о нем не говоря по сути. Пожалуй, первое внятное высказывание – это

выступление Володина в конце октября, в котором он интерпретировал революцию с крайне консервативных позиций. (Юрий Сапрыкин, журналист)

– Все, что говорится о революции широко цитируемыми «публичными людьми», можно не замечать. Они не слышат токов революции, ее дыхания, энергетики. Революция до сих пор таинственна и опасна, и важнее слов то, что умалчивается о ней. Память о революции хранит народ, и это памятование безмолвно. (Виталий Седнев, социолог)

Интересно, что подобная позиция нашла своеобразную поддержку у некоторых экспертов левого толка.

– Юбилей революции лучше всего отмечать революцией, каждому поколению – по революции. Все отмечание фигня. Новые изменения в мире требуют новых подходов, новых других вспышек. Не обязательно смотреть как на эталон на ту революцию. Здорово, удалась, прекрасно, но что дальше-то? Мир должен идти, пожары должны возникать, здесь и там. (Эдуард Лимонов, писатель)

Операция по информационному игнорированию революции прошла успешно, и ее можно назвать в некоторой степени победой власти. Весьма красноречиво об этом говорит рассчитанный аналитиками Avelamedia «индекс Путина» основных деятелей революции. Он оказался на уровне второстепенных политиков сегодняшнего дня. Внутренним обоснованием для юбилейного молчания власти выступает страх раскола общества, вызванный тем, что различные группы населения по-разному воспринимают события 1917 года.

– Прежде всего надо рассматривать революцию как некоторый фактор, который разделяет наше общество по вопросу, выражала ли Октябрьская революция волю большинства народа, волю большинства населения, проживавшего на территории Российской Империи. И по этому вопросу наше общество делится на две примерно равные части. 45% считают, что это так, несогласных с таким определением – 43%. До сих пор у нас ни одна из сторон

не может переубедить другую и взять верх – победило ли в Октябре 1917-го большинство или меньшинство? (Степан Львов, руководитель департамента исследований ВЦИОМ)

Раздел проходит на уровне тех ценностей, которых придерживается тот или иной слой населения. Между тем отмечается, что характер отношения российского общества к революции меняется. Юбилей мог стать поводом для выработки объективного отношения к тем событиям и примирения в обществе. Но не стал.

– Я думаю, что сегодня это уже некоторый миф, смысл которого очень сильно зависит от базовых ценностей тех или иных слоев и конкретных людей. Для одних это миф, склеенный советским прошлым, и тогда это одни оценки. Для других это миф, склеенный ценностями либерализма, и тогда это диаметрально противоположные оценки. А для третьих это уже воспоминания об октябратском, пионерском иногда комсомольском прошлом, и за этим уже не остается практически никаких смыслов. Людей, для которых революция является предметом серьезных размышлений и анализа, быть может, десятая процента населения страны. (Иосиф Дискин, председатель Комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений ОП РФ)

– Те, кто говорит, что революция это позитивное явление в нашей истории, имеют в виду не сами события Октября 1917 года, а восторгаются советским проектом, который последовал за революцией. Для них значимы достижения Советского Союза в экономической сфере, социальной сфере, победа в войне, полет в космос и так далее. Для тех, кто осуждает революцию, первостепенное значение имеет государственный переворот, развязанная практически сразу же гражданская война, огромные жертвы, террор, насилие и все остальное. (Владимир Рудаков, главный редактор журнала «Историк»)

Празднование юбилея могло способствовать интеграции событий в единый коллективный опыт. Но Россия продолжает существовать вне единого исторического континуума. Столетний юбилей

революции вскрыл феномен распада истории. Прошлое России XIX, XX и XXI веков распадается на эпохальные периоды, не интегрированные друг с другом.

– Да, у нас теперь буржуазная страна, но эта буржуазная страна могла бы отметить это событие достаточно широко и интересно. Однако так вышло, что в силу определенных особенностей сегодняшнего менталитета, может быть, не только власти, но и народа самого, у нас с этим дело обстоит не очень хорошо. Вы помните, как у нас отмечалось 200-летие победы в Отечественной войне 1812 года? Я не помню. Возможно, на Бородинском поле кто-то в кивере пробежал и из ружья выстрелил. Сейчас прошлого России не существует. С одной стороны, вокруг столько разговоров о прошлом, но как-то неправильно и неэффективно используется. Нет необходимости это прошлое включать в настоящее в виде какого-то серьезного действия. То же самое и революция – никому ничего по большому счету не интересно. Только сериал «Троцкий» с элементами порно вышел, и это всех устраивает. (Андрей Фефелов, главный редактор портала «Завтра.Ру»)

Попытка позиционировать нынешнюю Россию в качестве наследницы традиций и Советского Союза, и России Романовых не будет успешной без публичного осмысления всех исторических событий.

– Самое неправильное – праздновать только лишь Великую Октябрьскую революцию. И если мы общество, которое понимает свою историю, то надо разворачивать полноценный анализ и реконструкцию событий 1917 года, которые привели сначала к падению монархии, потом к тем или иным развязкам внутри этого цикла работы разных составов Временного правительства, потом затрагивать переворот 25–26 октября и вплоть до выборов Учредительного собрания и его разгона. Кстати, точно так же можно было бы отмечать столетие проведение выборов в Учредительное собрание. И вплоть до Гражданской войны, которая началась в 1918 году. И вообще ничто не мешает при правильном разборе восстановить все эти вехи спустя 100 лет и сказать, что это не два разных события (Станислав Наумов, президент

Революция и память о старой России

СССР и породившая его революция – известные на весь мир бренды. Эффективное использование достижений прошлых лет через их освоение и интеграцию в современную культуру – нормальный исторический путь развития любой страны. Столетний юбилей мог бы стать поводом разобраться в отношении проекции современной России на два исторических отрезка: дореволюционной и советской России. Кто мы сейчас: продолжатели романовской эпохи, наследники СССР или некое уже третье звено? В каждом отрезке есть свои особенности, которые так или иначе формируют характер отношений к соседям, внутреннюю политику, управленческие технологии, уровень амбиций.

В какой-то степени и СССР унаследовал традиции романовской России.

– Когда мы смотрим на лозунги, на положение тех или иных классов и сословий, то нам кажется, что все стало совсем по-другому. Но когда мы смотрим на практику управления, отношения власти и народа, отношение России к окружающему миру, к Западу, то вдруг начинает казаться, что, может быть не сразу, не с 1917 года, но со Сталинского правления, угадываются очень похожие черты. Я бы назвал склонность управлять страной как единоличным хозяйством, как своей собственностью, неуважение к праву и сомнительный статус собственности, любовь к сильной власти и презрение к любой власти, как только она становится чуть менее сильна, – все эти черты достались нам не от советской, а от гораздо более далекой России. (Юрий Сапрыкин, журналист)

– В России всегда ценится и важна и имеет значение власть одного человека, который аккумулирует в себе представление большинства общества о том, что есть единый источник власти.

Поэтому большевики воспроизвели «монархическую» форму правления. Вначале они выступали с демократическими лозунгами, но при Сталине образовалась моноцентричная власть. И дальнейшие события показали, что как только у нас возникают разные и при этом равновеликие источники власти, добром это не заканчивается. (Владимир Рудаков, главный редактор журнала «Историк»)

Что представляла собой Россия до революции? Это была передовая развивающаяся страна, снабжавшая хлебом весь остальной мир, или тюрьма народов с неграмотным обществом? Ее судьба была фатально predetermined или крушения можно было избежать? Эти вопросы актуальны и сегодня. Современная Россия сохранила двойственность России дореволюционной.

– Если посмотрим без пристрастия хотя бы на статистические данные, то мы увидим, что все эти явления существовали вместе: бурное промышленное развитие и экономический рост, и нерешенные старые вопросы – безземельность крестьян, рабочий и национальный вопросы. Вы помните, что исчезла в итоге не только Россия, но и произошел коллапс других – Германии, Австро-Венгрии, Османской империи. Мы видим, что объективные обстоятельства общемирового масштаба во многом сделали это развитие событий в 1917 году практически неизбежным. (Никита Аникин, ученый секретарь Музея современной истории России)

В России до 1917 года существовали и жестокость, насилие, ненависть и поиски внутренних врагов, с другой стороны, и освобождение энергии масс, новое искусство культура. Общественный потенциал, который нельзя не замечать. Но главное, что нам досталось от «старой» России, – русская культура.

– Если совсем огрублять, то от дореволюционной России нам досталась культура, которую мы не до конца понимаем и плохо чувствуем, нам непонятно, почему такие звуки написаны в этих симфониях и операх. А от советской – устройство общества в целом: вертикаль власти, роль тайной полиции, какие-то

привилегии, какая-то собственность, которые раздаются союзникам этой власти, принцип кнута и пряника, с помощью которого государство управляет интеллигенцией. За вычетом массовых репрессий и государственной собственности, наверное, очень многое осталось прежним. Хотя это, конечно, очень важный вычет. (Юрий Сапрыкин, журналист)

Однако и революция 1917 года в современном общественном сознании это в первую очередь ее «культурный след».

– Революция означает трансценденцию – нарушение границ мира, в том числе мира понятий. Откровением о революции является великий прорыв культуры начала XX века. Русский авангард точнее передает революцию, чем все научные труды, ей посвященные. (Виталий Седнев, социолог)

Мифология, заложенная в общественном сознании, перешла через эпохи правления Романовых, нашла свое выражение в советской России и перешла на современный уровень. Миф проходит единой связующей цепью через коллективные представления и позволяет прошлому найти свое выражение в будущем.

– От царской России остался очень значимый исторический миф. Историческое величие России и ее наследие прочно связаны с мифологией царского времени. На мой взгляд, Иван Грозный – это просто артефакт, а Петр I, Екатерина Великая, Петр Аркадьевич Столыпин, Александр II Освободитель, Кутузов, Багратион, Суворов – очень много для всех нас значат. Работают не полководцы, а мифы о них. И эта мифология составляет в значительной мере каркас наших представлений о прошлом, и эти представления в значительной мере опрокинуты в настоящее. Величие России в очень большой степени, и царской, и советской, это все-таки то, о чем говорил президент Путин: единая история России, единая история величия Россия. И она включает в себя и царский, и советский мифы. (Иосиф Дискин, председатель Комиссии по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений ОП РФ)

Чем же была Октябрьская революция, если посмотреть на нее с позиций текущего момента? Необходимо понять ее причины и степень неизбежности. Сделать разбор, почему система в тот период не выдержала, какие предохранительные клапаны не сработали. Преодолеть восприятие революции как некоего заговора то ли немцев, то ли евреев, то ли каких-то политических аутсайдеров. Не научившись понимать механизмы таких явлений, страна рискует оказаться неготовой к возможным социальным катаклизмам, как не были к ним готовы в 1991 году.

– Для меня это революция четвертого сословия, первая в мире, успешная, за которой последовало возникновение социалистических государств. По значению она больше, чем Французская революция. (Эдуард Лимонов, писатель)

– Октябрьская революция была действительно революцией. Она изменила не только элиту, потому что элита обычно приспосабливается, переходит из одного качества в другое. Революция изменила социальный строй. Изменила уклад жизни, психологию – огромное количество фундаментальных изменений произошло. И в этом смысле это действительно была революция. Которая включала в себя и переворот. (Андрей Фефелов, главный редактор портала «Завтра.Ру»)

– Революция выступает водоразделом, но не является разделяющим моментом. Это некий переломный этап неизбежного и вполне органичного перехода от довольно-таки архаичной, по мнению многих, дореволюционной России. (Степан Львов, руководитель департамента исследований ВЦИОМ)

* * *

Революция и левое движение

С точки зрения будущего и революции возникает несколько направлений, требующих осмысления. Во-первых, это перспективы собственно левого движения в России и мире. Выразители левой идеи говорят о том, что на данный момент в России левое

движение зашло в тупик.

– *Левое движение в России, в мире тоже наверное, себя дискредитировало. Когда-то коммунизм был таким универсальным движением, которое было куда круче, чем любой ИГИЛ (запрещенная в России организация). Они были воинственны, смелы и безумны. Это было наднациональное движение, и в этом была его прелесть, но теперь этого нет. Оно потеряло свою универсальность, и это движение заглохло. Я думаю, они должны подвинуться, должно быть другое. (Эдуард Лимонов, писатель)*

– *Сейчас в России нет революционных сил. переворот устроить хотят многие в силу разных причин. А революцию никто не провозглашает, не понимает, на каком материале она вообще может состояться и в чем суть этой революции. Но суть в том, что ее никто не готовит, ее никто не хочет. (Андрей Фёфелов, главный редактор портала «Завтра.Ру»)*

Одна из причин – усталость населения от глобальных потрясений, жива память о событиях конца 1980-х – начала 1990-х.

– *Каких-то прямых подтверждений этому нет, но думаю, что сейчас сторонников революционных преобразований практически нет. Очень мало людей, которые желали бы новой революции. Думаю, что в 90-е годы доля таких людей могла быть больше. В силу неудовлетворенности текущим положением дел многие могли считать революционный вариант развития общества вполне приемлемым. Сейчас охранительную позицию занимают 92%. Такая часть россиян считает, что революцию допускать нельзя. (Степан Львов, руководитель департамента исследований ВЦИОМ)*

В то же время эксперты подчеркивают, что в мире в целом наблюдается серьезная динамика в сторону активизации левой повестки, особенно среди молодежи.

– *Левая идея получает новое дыхание. При этом не растет число сторонников радикальных идеологий типа большевизма, левых эсеров. Скорее, становится больше людей, разделяющих умеренно левые позиции. (Степан Львов, руководитель департамента*

исследований ВЦИОМ)

– Люди ничего не знают и не понимают о коммунизме и социализме. И они оценивают фигуры революционеров как положительные в европейской и мировой истории. Такие суждения попадают на волну левого поворота. Потому что не только в России пропасть между богатыми и бедными увеличивается, она увеличивается во всем мире. Такая волна периодически возникает в истории, она всегда вызывает социальную реакцию. (Виктор Аксючиц, философ)

* * *

Революция и будущее России

Возможна ли в России новая революция, назрели ли предпосылки к новым преобразованиям, будут ли это реальные революционные действия или кардинальные сдвиги в обществе произойдут без кровавых потрясений, что ждет мир после революционного взрыва? Вопрос о характере протекания революции связан с ее двойкой природой. С одной стороны, революция всегда объективна, разрушает старые формы и создает новые. С другой – она всегда субъективна и связана с желанием людей действовать здесь и сейчас.

– Это все одна тенденция, которую можно обозначить как левый поворот с его двумя звеньями: мировым объективным и субъективным. Пробольшевизация молодежи формирует искажение. И это искажение, как это уже было в русской истории, накладывается на объективный вызов и потребность в левом повороте, который не приведет к тем социальным завоеваниям, которые нужны реально. Напротив, может сорвать в пучину. (Виктор Аксючиц, философ)

Опрос экспертов выявил еще один сюжет – катастрофические изменения без революции.

– Скорее всего, революция произойдет, и роль сыграют новые

технологии, которые пришли к нам незаметно, безобидно и очень поверхностно в первые десятилетия. Речь идет о цифровых компьютерных технологиях, которые можно назвать «цифровой экономикой». Здесь вопрос осознания по-настоящему глубинных изменений, которые ожидают общество, экономические системы, культуру в связи с этими технологиями. И эта неизбежная цифровая революция явится не по зову, она придет сама и принесет схлопывание современного социума. Цифровую революцию никто не исследует и не изучает, она сама по себе живет. И поэтому, скорее всего, изменения будут достаточно резкие и, возможно, катастрофические. Цифрономика убьет капитализм. (Андрей Фефелов, главный редактор портала «Завтра.Ру»)

У России в этом будущем может быть уникальная роль. Только наша страна обладает опытом выстраивания всех общественных институтов практически с нуля, после того как революционный вихрь прошел по всем уровням государственного устройства.

– И возникнут какие-то новые формы, потрясающие. И в момент их возникновения, неожиданный, резкий и болезненный, я думаю, что очень многие люди, интеллектуалы, люди широких взглядов, обратятся к русскому опыту XX века. Потому что этот опыт бесценен. И он очень сильно пригодится человечеству. Но прежде всего – России, потому что Россия является носителем этого опыта. И никто, кроме России, его по большому счету использовать не может. У нас есть ключи от многих замков. (Андрей Фефелов, главный редактор портала «Завтра.Ру»)